

Как только Юн Шань услышал про визит матушки, на его губах появилась холодная усмешка:

— Действительно прибыла. — Бережно укрыв Юн Ци ватным одеялом, юноша поднялся с кровати, на которой до этого сидел, накинул на плечи золотистую парадную шубу и вышел из комнаты.

С гордым и надменным видом Юн Шань предстал перед толпой, что стояла внизу во дворе.

Наложница Шу с угрожающим видом и в окружении своих служанок ворвалась в передний дворик и сразу же посмотрела на терпящего побои Юн Линя.

— Прекратить! — сурово крикнула женщина, одним махом выхватила плётку из рук стражника и безжалостно ударила того по лицу. Наложница Шу опустила голову и посмотрела перед собой, её охватило отчаяние, а в глазах заблестели слёзы.

Связанный Юн Линь лежал на заснеженной земле, всё лицо его было в царапинах, на теле виднелись следы от кнута, а сам юноша был покрыт кровью.

— Юн Линь, — задыхаясь от слёз, позвала наложница Шу. Она опустилась на колени и с трудом подняла своего младшего сына.

Юн Линь совершенно не двигался, его ресницы не дрожали, казалось, он потерял сознание.

Старший сын стоял в нескольких шагах, но матушка словно не видела его. Её прекрасное лицо было бледным. Женщина приказала своим слугам поднять Его Высочество Юн Линя и отнести в закрытый паланкин. Всё так же не глядя на Юн Шаня, полная горечи наложница Шу поднялась и с высоко поднятой головой направилась к большим воротам дворца наследного принца.

Посмотрев ей вслед, Юн Шань слегка опечалился, но виду не подал.

Он хотел её позвать, остановить, но всё же сдержался, лишь спокойно наблюдая, как силуэт матушки исчезает вдали.

Юноша перевёл взгляд и посмотрел на слегка талый и мокрый снег, на котором ещё недавно лежал без сознания Юн Линь.

Слуги не осмелились покинуть двор наследного принца. Все люди и тот охранник, у которого наложница Шу отняла плеть и которому отвесила оплеуху, хранили молчание, словно цикады зимой. Свесив головы, они стояли на заснеженной дорожке, чем напоминали укрытые снегом изваяния.

Эти застывшие силуэты, как и Юн Шань, невольно испытывали чувство бессилия.

Юноша сам навлек на себя беду.

— Пошли прочь, — приказал наследный принц толпе, после чего вновь вернулся в комнату.

Юн Ци сидел в кровати, ожидая его.

Два брата были в смятении.

Юн Ци спросил:

— Приезжала государыня Шу?

Юн Шань кивнул.

Юн Ци неловко поднялся и вновь сухо спросил:

— Она забрала Юн Линя?

Младший брат снова кивнул, горько улыбаясь.

— Юн Шань, зачем ты так поступил? — Немного помолчав, Юн Ци вновь изменил свою интонацию и очень тихо спросил брата: — Зачем ты избил до смерти Юн Линя? Я ведь знаю, что ты любишь его.

Юн Шань не ответил. Повернув голову, юноша с глубоким интересом в глазах посмотрел на старшего брата.

Юн Ци в душе испытал крайнее беспокойство, сердце, чувствуя тревогу, сильнее забилося в груди.

Юноша сам не знал, почему так беспокойно на душе. Испытывая волнение, ему нужно было затронуть очень чувствительные струны в душе Юн Шаня. Как он мог в такой момент совершить нечто безрассудное?

Через какое-то время, набравшись храбрости, Юн Ци шёпотом спросил:

— Ты боишься стать опальным принцем и боишься впутывать сюда Юн Линя?

Юн Шань смотрел на него, и во взгляде читалось лёгкое удивление. Иными словами, юноша был тронут до глубины души.

От этого взгляда Юн Ци вздрогнул.

Он был не в силах сдержать свои чувства!

Юноша ощутил, как что-то внутри него изменилось, заставляя взволноваться.

— Юн Шань, я знаю... — Юн Ци вытянул бледную ладонь, слегка сжал руку младшего брата и, заикаясь, проговорил: — Таким... быть таким наследником престола... Я знаю, тебе тоже очень тяжело... очень тяжело.

Юн Шань, в котором был словно стальной позвоночник, внезапно расслабился.

Холодное и пугающее выражение владыки ада, которым прославился Его Высочество наследный принц, внезапно стало ребяческим, а сам юноша беззвучно бросился в объятия хрупкого бывшего наследника престола.

— Старший брат... — с тихим возгласом позвал Юн Шань.

Юн Ци, вопреки ожиданиям, ни секунды не колеблясь, крепко обнял нынешнего наследного принца, младшего брата, словно это было в порядке вещей, и утешение являлось его прямой обязанностью.

Обнимая Юн Шаня, юноша мягко гладил его по волосам и спине. Эта ласка была несравнима ни с чем.

— Юн Шань, — успокаивающе зашептал Юн Ци, — мы оба заключены в шипы терновника.

Эту фразу Юн Шань много раз бормотал тогда во Дворце Наказаний, сжимая старшего брата в своих объятиях.

Только Юн Ци не ожидал, что однажды он будет повторять её, утешая своего брата.

Закрытые веки неожиданно затрепетали.

Густые ресницы Юн Линя медленно поднялись вверх, поднялись, открывая охваченные тусклым светом глаза, которые через секунду вновь закрылись, а с губ сорвалось недовольное бормотание.

— Юн Линь. — Наложница Шу ни на шаг не отходила от постели сына. Увидев, что он пришёл в себя, женщина подошла ближе и, опустив голову, с любовью посмотрела на юношу: — Юн Линь, ты очнулся? Тело всё ещё болит? Лекарство уже готово, выпей немного.

Юн Линь только пришёл в себя, а его покрытое несколькими царапинами лицо всё ещё выглядело немного недоумённо.

— Лекарство? Какое лекарство?

Наложница Шу почувствовала, как сердце защемило в груди. Её глаза вновь покраснели и, слегка поглаживая сына, женщина проговорила:

— Глупыш, ты потерял сознание на засыпанном снегом дворе. Юн Шань. Я родила его, воспитывала, а он из-за сына той женщины совершенно выжил из ума и, ни во что не ставя чувства матери и брата, опустился до такого безжалостного метода. — Эти слова ранили душу, и горячие слёзы вновь обожгли лицо.

Юн Линь посмотрел на матушку. Затем, взглянув на до боли знакомый потолок, что был украшен всеми цветами радуги, юноша будто всё вспомнил. Его лицо изменилось, и он мгновенно сел в постели, намереваясь откинуть одеяло в сторону.

— Юн Линь? — остановила его наложница Шу. — Что ты делаешь?

— Мне нужно встретится с отцом-императором! — Юн Линь с трудом дышал через нос. Юноша опустил голову и, поспешно натягивая меховые сапоги, сквозь стиснутые зубы процедил: — Нужно рассказать отцу-императору про этого грязного негодяя!

— Какого грязного негодяя?

— Юн Шаня!

Отняв у Юн Линя второй сапог, наложница Шу свирепо швырнула его на землю и, смотря на сына, спросила:

— Повтори, что ты только что сказал?

Внезапно увидев мрачное лицо матушки, Юн Линь в душе немного встревожился, но и тревога вскоре исчезла. Вспомнив произошедшее, он почувствовал, как пламя ярости ещё сильнее разгорается в душе. Юноша поднял голову и с каменным лицом обратился к наложнице Шу:

— Юн Шань! Юн Шань — грязный негодяй! Он занимается постыдными вещами!

— Он является твоим родным старшим братом!

— У меня нет такого родного старшего брата! Он скотина, а я не являюсь братом скотине!

Хлоп! Звонкая пощёчина обожгла лицо Юн Линя, перебив все слова.

Прижимая ладонь к правой щеке, юноша в растерянности поднял взгляд на наложницу Шу. Через какое-то время его глаза покраснели, и Юн Линь яростно и громко прошипел:

— Он занимается такими делами, но Вы бьёте меня, матушка? Ладно, ладно! Я понял, мы хоть и братья, но значительно отличаемся рангами. Он наследник престола и, естественно, любимец матушки. А меня только и можете бранить! Я... я отправляюсь к отцу-императору! Пусть отец-император изгонит меня и старшего брата Юн Ци из дворца, и впредь Вы, матушка, со своим сыном будете наслаждаться почётом без каких-либо преград!

Один сапог был уже на ноге, а второй, который отшвырнула наложница Шу, так и остался лежать в стороне. Сердце от негодования kloкотало в груди. Юн Линь был настолько зол, что даже, не обращая внимания на второй сапог, лежащий на полу, выскочил лишь обутый на одну ногу, марая белый полотняный чулок, который был на второй босой ноге. Уже за дверью Юн Линь открыл рот и прокричал:

— У вас уже, оказывается, целая шайка. Все слуги во дворце обо всём знают, лишь я глупец! Несчастный старший брат Юн Ци ничего не говорил, постоянно испытывая унижения. Я не допущу, чтобы вы снова над ним издевались, даже если сегодня мне придётся пожертвовать своей жизнью!

Стоило Юн Линю выйти за дверь, как приближённый евнух наложницы Шу Чун Ин, услышав знакомый голос, спешно догнал, схватил принца обеими руками и не позволил уйти. Открыв рот, евнух умоляюще заговорил:

— Ваше Высочество, успокойтесь и расскажите всё на этот раз уже спокойно, а то неизвестно, за что гневаетесь на государы...

— Пусти! — подняв брови, выкрикнул Юн Линь. — Я сын императора и хочу получить аудиенцию у государя, чтобы всё ему доложить! Кто посмеет остановить меня, будет предан смертной казни!

Махнув ладонью, юноша тотчас же ударил никогда не изучавшего военное искусство Чун Ина, отшвырнув его на пол, и широким шагом направился к выходу.

Чун Ин крикнул ему вслед:

— Ваше Высочество! Ваше Высочество, выслушайте, что я скажу...

Юн Линь с невозмутимым видом выскочил на улицу, не обращая внимания на слова слуги.

Не успел он сделать и двух шагов, как до него внезапно донёлся голос Чун Ина:

— Государыня! Государыня! Беда!

Этот пронзительный крик заставил Юн Линя замереть от страха. Юноша спешно обернулся и увидел, как недавно стоящая в комнате наложница Шу обессиленно лежала на полу, совершенно не двигаясь.

— Матушка! — Юн Линь был крайне изумлён и, бросившись к женщине, поспешил поднять её:
— Матушка? Матушка!

Поначалу его лицо было красным от гнева, словно лицо Гуань Юя [1]. Однако внезапно оно изменилось, став бледным. Обхватив наложницу Шу и прижав к себе, Юн Линь громко позвал её. Но, увидев, что матушка не отвечает, юноша ещё больше заволновался и изо всех сил потряс её, стараясь привести в сознание:

— Матушка! Матушка! Скажите хоть что-нибудь!

Чун Ин спешно подполз ближе и, вытирая слёзы, с беспокойством сказал:

— Не трясите, не трясите, любое сотрясение может навредить сердцу и уму государыни, Ваше Высочество, ни в коем случае не трясите её.

Евнух долгое время прислуживал наложнице Шу, и, можно считать, знал её, как никто другой. Уговорив Юн Линя, слуга осторожно вытянул руку и старательно ущипнул наложницу Шу за подносной желобок.

Юн Линь растерялся и, некоторое время остолбенело наблюдая, вспылал:

— Как не трясти? Стража! Стража! Приведите лекаря!

От этого громкого голоса тело в руках Юн Линя внезапно шевельнулось. Опустив голову, юноша широко распахнул глаза и со слезами радости проговорил:

— Ма... матушка, Вы очнулись?

Наложница Шу потихоньку пришла в себя: поняв, что находится в объятиях сына, подняла взгляд и полными холода глазами взглянула на Юн Линя. Коротко посмотрев на юношу, наложница Шу спросила:

— Почему ты всё ещё здесь?

Юн Линь тотчас же остолбенел.

— Отправляйся к отцу-императору, — спокойно и с пренебрежением сказала наложница Шу младшему сыну. Наклонив голову, женщина заметила Чун Ина и тихо произнесла: — Чун Ин, помоги мне встать, а то я, такая грязная и негодная, могу замарать Его Высочество Юн Линя.

Юн Линь, запинаясь, проговорил:

— Матушка, я... не это имел в виду... Ваш сын не прав, Вы только и знаете, что бить и бранить...

Однако наложница Шу не обратила на него внимания. Опираясь на руку слуги, женщина с трудом приподнялась и равнодушно проговорила:

— Я недостойна такой чести. Я являюсь матерью Юн Шаня, который, в свою очередь, является скотиной, значит, мне тоже не стоит быть хорошей. Хорошо, хорошо, терпя муки, я дала жизнь двум бесчувственным и неблагодарным детям. Один желает только Юн Ци, другой ненавидит нас, называя грязными и негодными, и лишь мечтает найти дворец, в котором проживёт незапятнанную жизнь.

С помощью Чун Ина женщина, пошатываясь, встала на ноги.

Юн Линь вытянул руку, чтобы поддержать матушку, но женщина безжалостно шлёпнула по ней ладонью, отказываясь от помощи сына, внезапно повысила тон и строго произнесла:

— Пошёл вон! Осторожно, испачкаешься! Не беспокойся, в том, что произошло сегодня, виноваты лишь я и Юн Шань, так как мы испорченные. Верно! У нас шайка! Лишь ты один правильный, честный и способен жертвовать личным ради общего дела! Хорошо, давай, иди к отцу-императору!

Наложница Шу махнула рукой Чун Ину, указывая на ворота, и громко сказала:

— Чун Ин, передай мои слова стражникам: Его Высочество Юн Линь хочет увидеться с отцом-императором, поэтому никто не должен останавливать его! Пусть идёт! Он сын императора и хочет поговорить со своим отцом-императором, кто посмеет остановить его, будет предан смертной казни!

— Матушка-государыня, это... это...

— Что «это»? — наложница Шу холодно улыбнулась, её заколка в виде феникса ещё какое-то

время качалась на голове. Не успев остановиться, женщина тихо продолжила: — Он — золотые ветви и яшмовые листья, благородный и не позволит песку засорить его глаза, даже если песком является его родной брат, который тоже с радостью примет свою смерть.

Юн Линь, чуть не плача, стал оправдываться, запинаясь:

— Родной сын не... У меня и в мыслях не было...

Наложница Шу резко обернулась и, острым взглядом пронзив юношу, с издёвкой сказала:

— Успокойтесь, Ваше Высочество, мы с вашим скотским старшим братом никуда не денемся, мы будем ждать, когда Вы принесёте высочайший указ Его Величества. Белая шёлковая лента [2] — хорошо, отравленное вино — тоже хорошо, не сетуйте, а подарите мне и моему сыну радость и счастье, только и всего.

Сделав паузу, наложница Шу вновь с горестной улыбкой продолжила:

— Надеюсь, когда ты увидишь наши мёртвые тела, твоя душа успокоится. После, покинув дворец, сможешь прожить незапятнанную жизнь, и вас с Юн Ци ничто не потревожит... Это в обмен на жизни твоей матери и родного старшего брата!

Сказав так, наложница Шу задохнулась от слёз, не в силах вновь продолжить. Горечь переполняла сердце, сама же женщина, не в состоянии твёрдо стоять на ногах, неловко схватилась за край стола, села и, отвернувшись, горестно заплакала.

Примечание:

[1] Военачальник царства Шу эпохи Троецарствия и один из главных героев средневекового романа «Троецарствие».

[2] Белый узорчатый шёлк часто использовали в древнем Китае для наказания императорских вассалов. Фактически трёх футов белого шёлка вполне хватало, чтобы повеситься, отсюда и название «байлин саньчи», что означает «трёхфутовый белый шёлк».

<http://bllate.org/book/13372/1189593>